

Судан: трудности переходного периода

В политической жизни Судана в первом полугодии 2019 г. следует выделить две важные даты: 11 апреля и 3 июня. В первую дату в результате бескровного военного переворота после почти 30 лет правления был свергнут президент Судана Омар аль-Башир. Перевороту предшествовали четыре месяца массовых народных протестов, зачастую переходивших в яростные столкновения манифестантов с силами безопасности. По официальным данным, с 19 декабря 2018 г., когда протестующие впервые подожгли правительственное здание, по 11 апреля 2019 г. погибло 65 человек (по данным оппозиции – свыше 100).

Во вторую дату – 3 июня – Переходный военный совет (ПВС), 11 апреля взявший власть в государстве в свои руки, дал приказ силовым структурам ликвидировать палаточный лагерь оппозиционных «Сил декларации за свободу и перемены» (СДСП), разбитый возле здания генерального штаба вооруженных сил. В ходе разгрома лагеря лишь по официальным данным были убиты 64 человека. По неофициальным – 118.

Во второе полугодие 2019 г. Судан вошел, находясь в глубоком политическом кризисе, подпитываемом экономическими и социальными проблемами и осложненным чрезмерным вмешательством внешних игроков. В эпицентре событий – противостояние между ПВС, состоящим из представителей верхушки армии и госбезопасности, и СДСП – пестрой коалицией более чем двух десятков оппозиционных партий и движений, в которой первую скрипку играет «Суданская ассоциация профессионалов» (САП) – союз независимых профсоюзных организаций.

После отстранения аль-Башира ПВС и СДСП безуспешно провели серию переговоров об условиях передачи власти в стране гражданскому правительству и параметрах переходного периода в стране. Камнем преткновения стал отказ ПВС уступить оппозиции большинство мест в Суверенном совете, который должен был стать руководящим органом страны вплоть до всеобщих выборов. По сути, СДСП требовали от военных незамедлительно передать всю полноту власти в Судане переходному, сформированному внесистемной оппозицией на четырехлетний срок гражданскому правительству. Военные признавали влияние уличной оппозиции и готовы были включить ее представителей в переходные властные структуры, но настаивали на том, что верховная власть может быть передана только всенародно избранным президенту и парламенту, а СДСП не представляет суданский народ в целом.

Последнее замечание, без всяких сомнений, справедливо. СДСП успешно использовали волну массового недовольства отменой субсидий на хлеб, топливо и лекарства и в целом провальную экономическую политику правительства аль-Башира, погрязшего в коррупции (в списке наиболее коррумпированных стран мира согласно «Индексу восприятия коррупции 2018», опубликованному *Transparency International*, Судан находился на 172-м месте; из африканских государств хуже ситуация с коррупцией была только в Южном Судане и Сомали). Но даже среди протестующих пока немногие готовы отдать свой голос за СДСП или входящие в них движения, малоизвестные за пределами узкого круга активистов и не имеющие опыта управления государством. Именно поэтому для СДСП столь важно не только руководить страной во время переходного периода, но и отложить выборы на более поздний срок, что позволило бы им накопить политический капитал.

В рамках противостояния СДСП и ПВС необходимо обратить внимание на «системные» политические партии Судана, так как их поддержка или отсутствие таковой могут оказать существенное влияние на исход конфронтации. При этом политические предпочтения многих суданцев в буквальном смысле передаются «по наследству», что обуславливает определенную устойчивость сложившейся патерналистской системы государственного управления вне зависимости от перемен на самом верху.

Среди системных партий можно условно выделить две группы. Первая – это старейшие, традиционные партии Судана «Умма» и Демократическая юнионистская партия (ДЮП). Вторая – партии исламистов, в той или иной мере разделяющих идеологию «Братьев-мусульман», среди которых – бывшая правящая Партия национального конгресса (ПНК), отколовшаяся от ПНК в 1999 г. Партия народного конгресса (ПНарК) и еще ряд политических организаций.

Поддержка протестующих «системными» партиями и движениями в конце 2018 г. – начале 2019 г. была довольно широкой: за отставку аль-Башира выступили «Умма», ДЮП и десятки малых партий, а лидеры исламистской ПНарК – важнейшего партнера ПНК в правительстве – и суданского отделения «Братьев-мусульман» призывали режим к удовлетворению требований улицы. Однако сейчас крупнейшие партии отдаляются от ситуационного союза с СДСП. Во-первых, эти организации опасаются за четыре года растерять рейтинг в пользу новых, «революционных» сил, молодежных движений, поэтому предложение военных провести выборы уже в мае 2020 г. представлялось им более выгодным. Во-вторых, «системные» партии рассматривают СДСП преимущественно как движение левого толка. Председатель САП и фактический лидер СДСП – выходец из

Коммунистической партии Судана. Сама Компартия Судана – малочисленная, внесистемная организация – сыграла непропорционально большую роль в распространении протестов, и после 11 апреля ее представитель оказался одним из четырех членов комитета оппозиции, ответственного за переговоры с ПВС. Более того, крайне резкую реакцию военных и части «системных» партий вызвало то, что на переговорах СДСП поставили под сомнение роль мусульманского права (шариата) как базиса при разработке новой конституции страны. К тому же, обширные связи СДСП с суданской диаспорой в Европе и США вызывают у суданского истеблишмента подозрения в том, что за эскалацией протестного движения стояли западные страны. В этом контексте ПВС и «системные» партии могут твердо полагаться на консервативные, исламо-фундаменталистские круги, опасющиеся либерализации и секуляризации общественной и политической жизни, отмены шариата и роста западного влияния.

Время сейчас не играет на пользу СДСП. За три месяца, прошедших со дня переворота, ПВС успел заручиться серьезной поддержкой на международной арене. 21 апреля 2019 г. Саудовская Аравия и ОАЭ объявили о предоставлении Хартуму 3 млрд долл. США в качестве финансовой и гуманитарной помощи; Египет поддержал ПВС на саммите Африканского союза (АС) 23 апреля, а Россия и Китай заблокировали антисуданскую резолюцию в Совете Безопасности ООН 4 июня. В мае ПВС подтвердил готовность продолжать развитие двусторонних контактов с Москвой в военной сфере. В ходе ряда визитов исполняющий обязанности президента страны глава ПВС генерал Абдель Фаттах аль-Бурхан также наладил контакты с другими важными соседями – Южным Суданом, Чадом, ливийским фельдмаршалом Х.Хафтаром, контролирующим восток Ливии. Усилены меры безопасности в столице: в Хартум привлечены дополнительные части полувоенного формирования Силы оперативной поддержки (СОП) – аналога внутренних войск, созданного аль-Баширом на базе известного своей жестокостью дарфурского арабского ополчения *джанджавид* и напрямую подчиняющегося новому вице-президенту Судана генералу М.Хамдану Доголо (известному как Хемети). По разным оценкам, в городе дислоцировано до 15 тыс. солдат СОП (всего формирование насчитывает от 30 до 50 тыс. военнослужащих, но основные базы расположены в Дарфуре и около 10 тыс. бойцов воюют в Йемене на стороне саудовской коалиции; в племенных районах Судана сейчас идет активный набор в СОП).

Согласно заявлениям оппозиции, именно СОП несет ответственность за кровопролитие при разгоне сидячей забастовки 3 июня 2019 г. В тоже время представляется, что эта акция – демонстрация того, что ПВС (и лично генерал Хамдан,

которого многие эксперты считают подлинным правителем страны) набрал достаточную силу, чтобы противостоять уличной оппозиции. Во-первых, ПВС обеспечил внешнюю дипломатическую и финансовую поддержку. Великие державы способны защитить Судан от международных санкций, а деньги арабских монархий могут быть направлены не только на продовольствие и медикаменты, но и покупку лояльности силовиков и племенных вождей. Во-вторых, по всей видимости, военные провели тайные переговоры с некоторыми традиционными партиями. Некоторые из них, в частности «Умма», уже заявляли о неготовности поддерживать всеобщие забастовки, организуемые СДСП. Привлечение в правительство представителей «системных» партий позволит военным легитимизировать свое правление и снять с себя часть ответственности за социально-экономические проблемы, при этом сохранив за собой принятие ключевых решений. В-третьих, в столице уже в достаточном количестве сконцентрированы верные ПВС бойцы СОП, готовые применить оружие против демонстрантов (регулярная армия ранее отказывалась стрелять в толпу и даже защищала демонстрантов от спецслужб).

В этих обстоятельствах стратегия СДСП – не ослаблять протестное давление на ПВС, рассчитывая, что угроза повторения всеобщей забастовки, способной парализовать промышленность, транспорт, медицинские и образовательные учреждения, заставит военных пойти на уступки, а на новое кровопролитие они не решатся в связи с нарастанием давления Запада и АС, требующих передать власть в Судане гражданским. Впрочем, перед глазами ПВС есть пример действий египетских военных, расстрелявших сотни демонстрантов – «Братьев-мусульман» в августе 2013 г. и сохранивших власть.

Если угроза для ПВС со стороны СДСП – прямая и явная, хотя пространство для политического торга при международном посредничестве сохраняется, то внутренняя, скрытая угроза исходит от исламистов в рядах силовых структур. Официальный Хартум заявил о предотвращении в июне двух попыток переворота и аресте нескольких десятков причастных лиц из рядов спецслужб. Также сообщалось о попытке силой освободить аль-Башира из тюрьмы, предпринятой верными бывшему президенту элементами. Устойчивость режима аль-Башира строилась на одновременно симбиозе и соперничестве военных и исламистов, связанных с «Братьями-мусульманами». С середины 1990-х годов влияние исламистов на государственный аппарат постепенно снижалось, хотя Судан продолжал считаться редким примером страны победившего политического ислама. По мнению международных экспертов, переворот 11 апреля состоялся в том числе для упреждения исламистского путча, что косвенно подтверждается одновременным арестом ряда бывших высокопоставленных деятелей ПНК, тесно связанных с «Братством».

В настоящее время привлечения исламистов (из ПНК) к суду требует уличная оппозиция, а основные спонсоры суданского режима – Саудовская Аравия и ОАЭ, являющиеся непримиримыми противниками «Братьев-мусульман» по всему миру, – настаивают на полном запрете «Братства» в Судане. Впрочем, египетский сценарий бескомпромиссной борьбы с «Братями» не слишком соответствует суданским политическим традициям и грозит дальнейшей дестабилизацией страны, поэтому ПВС, скорее всего, будет действовать мягче, особенно пока не нейтрализована угроза со стороны СДСП.

При анализе различных сценариев развития событий хочется обратить внимание на две исторические параллели: массовые протесты в Судане в 1985 г. также привели к военному перевороту, но в 1986 г. состоялись сравнительно свободные всеобщие выборы, и произошла мирная передача власти гражданскому правительству, которое, впрочем, оказалось ничуть не успешнее свергнутого режима; военные в Египте в 2012 г. передали власть победившим на выборах исламистам, но свергли их в 2013 г. на фоне новых массовых протестов. В этом историческом контексте ПВС становится легче позиционировать себя как единственную силу, способную обеспечить стабильность и единство страны.

Также следует учитывать тот факт, что верхушка армии и госбезопасности справедливо опасается, что СДСП инициируют расследование не только применения силы при подавлении последних протестов, но и военных преступлений, совершенных в ходе вооруженных конфликтов, например, в Дарфуре. Кроме того, велика вероятность расследования коррупционных преступлений высокопоставленных военных. Вполне в традициях региона объявлять проигравших коррупционерами: именно такое обвинение было предъявлено аль-Баширу 16 июня. Немаловажно в этой связи, что суданские военные, главным образом генерал Хамдан, сейчас контролируют важные источники иностранной валюты – золотые прииски в Дарфуре, поступления от аравийских монархий в счет оплаты услуг суданской армии и СОП в Йемене и десятки миллионов долларов, выделяемых ежегодно Евросоюзом на усиление мер по контролю за границами Судана, – и добровольно от этих денег не откажутся.

7 июня 2019 г. ПВС и оппозиция согласились на посредничество премьер-министра Эфиопии Абий Ахмеда Али; к переговорному процессу подключились АС и Межправительственная организация по развитию (ИГАД) – региональное интеграционное объединение, членом которого является Судан. 5 июля было объявлено о достижении предварительной договоренности между ПВС и СДСП о разделе власти на следующих

условиях: в Суверенном совете, создаваемом на срок 39 месяцев, военные и гражданская оппозиция получат по 5 мест; еще одно место займет компромиссная фигура. Суверенный совет в свою очередь сформирует технократическое правительство. При этом председателем Суверенного совета вначале станет военный, а лишь через 21 месяц – гражданский. Но хотя под давлением протестующих и Запада военные и сделали некоторые уступки оппозиции, в частности в том, что касается продолжительности переходного периода, они фактически сохранили высшую власть в своих руках еще почти на 2 года и избежали установления гражданского контроля над вооруженными силами.

ПВС неоднократно заявлял, что он не планирует удерживать власть в стране. Более того, военные пообещали, что представители силовых структур не будут выдвигаться на высокие посты, стараясь успокоить улицу. Однако становится очевидным, что в планах ПВС – как минимум контролируемая передача власти «удобным» гражданским партнерам, способным дать армейской верхушке гарантии личной и финансовой безопасности и обеспечить интересы внешних арабских спонсоров. Но египетский сценарий нельзя полностью списывать со счетов. Наконец, шансы уличной оппозиции вынудить ПВС выполнить их главные требования – уступить верховную власть в стране гражданским, привлечь к ответственности виновных в массовой гибели людей в противостояниях с представителями органов безопасности, распустить СОП – выглядят все столь же призрачно, несмотря на достигнутые договоренности: ПВС продолжает усиливать свои позиции, «системные» партии идут на закулисные соглашения с военными, а простой народ ждет обещанной арабскими монархиями и лично генералом Хамданом помощи и стабилизации экономики.

Костелянец С.В., к.полит.н., с.н.с.,
зав. Центром социологических и политологических исследований
Института Африки РАН